

Андрей ТЕРЕНТЬЕВ ● ЖИВУТ СТАРИК
СО СТАРУХОЙ

ПОВЕСТЬ

Лицом избушка смотрится в обширное озеро, а зады пристроек упираются в гору, поросшую меднокорыми соснами. Налитые силой многих десятилетий, деревья утвердились на каменистой почве, оплели узловатыми корневищами ползучие осыпи и задержали их бег к подножью кручи.

Противоположный берег озера почти безлесен и засеян хлебами. Через хлеба, будто по нитке, проторена дорога к песчаной отмели. Там водопой. Ближняя деревня тоже на той стороне. Она в низине, отсюда ее не видать.

В избушке живет чета стариков. Они недавние горожане, вместе работали на заводе. Как ушли на пенсию, — бабка Анна безболезненно приноровилась к домашнему времяпрепровождению. А дед Матвей сразу занемог. Безделье истомило его, и он расхворался. Но однажды утром встал здоровехонек и тут же объявил хозяйке свой план: ехать в деревню. Там-то уж никаких отделов кадров нет, и они найдут, чем заняться. Ко всему прочему в деревне и с едой не то, что в городе, — вышел, да и накопал в своем огороде. Есть у него место на примете: проездом там бывал.

Бабка Анна возражать не стала. Продав все, за что могли дать какие-то деньги, старики купили эту полуразвалив-

шуются избушку. Сбережений хватило бы и на домик получше, но уж очень обоим понравилось здешнее место. Дед Матвей долго смотрел на заросшую бором гору и сучил бороду. Сказал размягченно:

— Здесь меня, Анна, и похоронишь. Вон под той сдвоенной сосной. Полежу на воле. А на кладбище не таскай. Тесно там, ну их.

Бабка Анна тихонько сказала:

— Не блажи, Матвей. С похоронами успеется. Новое место не с могилы начинают обживать. Умирать готовься, а сеять не забывай. Давай помогай разбираться.

Она расстегнула пальто и стала распаковывать мешок с посудой. Дед Матвей будто не слышал. Продолжал смотреть на бор, и легкое сияние бродило по его лицу.

— Благодать-то какая. Дышишь — как мед пьешь. Посмотришь кругом — душе отрада. Вон только ту плешину на увале надобно чем-то прикрыть. Пустое место, как сиротская заплата, — глазам больно.

Съехавшая набок крыша избушки протекала. Печь сползла по перекосившемуся полу в самый угол и потрескалась. В незастекленные окна ветер бросал пригоршни ледяных брызг. Крышу дед обновил в октябрьскую непогоду. Перекладку печи отложил до теплых времен, а пока укрепил ее надежными распорками. Окна застеклил. Озеро вскоре застыло.

С тех пор старики все продолжают строиться. Избушка выпрямилась и принарядилась, обросла служебными пристройками. Теперь можно, не выходя из-под крыши, попасть в кладовую, в баню, в чулан, в закуток для коз, в уборную и еще в другие каморки, назначение которых и для самих строителей было не совсем ясно. Впрочем, каморки не пустовали. Они летом и зимой были забиты вещами горожан-рыболовов, приезжавших на озеро. Тесу хватило только на крыши, а сами пристройки собраны из обтесанных и плотно подогнанных жердей.

Бабка Анна ведет канительную войну с озером. Изрядный кус горы перетаскала она в подоле, делая насыпь перед избушкой. В первую весну оттаявшее озеро начало бить в нижние венцы сруба, но уже к лету перед избушкой появилась грядка с луком. А потом к ней добавились еще две грядки. Нынешней весной бабка Анна крепко приболела и пока ничего не насыпала. Основной огород стариков, засаженный картошкой и капустой, — на том берегу озера.

Крайнюю грядку от размыва защищает сплошная деревянная стенка, опоясавшая весь мысок перед избушкой. Стенку эту, сразу видать, делали умелые руки, знакомые с военной фортификацией. Так оно и есть. В свое время дед Матвей немало перекопал земли, гатил фронтовые дороги, на месте разбитых мостов сооружал новые. А сколько настроил землянок и блиндажей, и сам не упомнит. Имеет две «Славы» и хранит их между листами поминальника. Пожелтевшие от времени листы книжки исписаны на полях мужскими именами и фамилиями. Надписи сделаны разными чернилами, в разные времена и разными почерками. Но даже самые поздние надписи — и те успели выцвести. Поминальник этот дед Матвей подобрал на улице сгоревшей белорусской деревни. Полистал на ходу и хотел выбросить, но почему-то оставил у себя. С тех пор и хранит.

В бесконечные зимние вечера бабка Анна читает вслух. Из города старики привезли десятка два книг, их наверно хватит им до конца жизни. Полюбившуюся книгу они перечитывают заново. В последнюю зиму читали Мельникова-Печерского. Дед Матвей не то осуждающе, не то с долей зависти комментирует:

— Умели гулять купчишки, умели пустить пыль в глаза...

Бабку Анну возмущает другое:

— Мыслимое ли это дело: в каждом ските свой бог! Уж если бог есть, то он един для всех людей. А тут растащили его по кусочкам, каждый себе на потребу.

Дед Матвей завешивается бровями:

— А чего богу-то сделается? Перетерпит, привык. Да ты ж неверующая, тебе-то чего?

Бабка Анна водит по строчкам пальцем, отыскивая место, где прервала чтение, и, оставляя последнее слово за собой, звонко говорит:

— Уж лучше совсем не веровать, чем так изгаляться над верой!

Сам дед Матвей из-за ослабевшего зрения читать может только при дневном свете. Но поминальник берет иногда в постель. С трудом разбирает слинявшие надписи. Чье-нибудь имя обязательно привлечет его внимание. «Леопольд Иннокентьевич... Важное имя. А может, что ни есть черная кость, а именем только прикрылся? Встречал таких в Латвии да в Польше. Весь зад в заплатах, а паном величай...» Дед Матвей задумывается. Его невидящий взгляд застывает на потолке. В таком положении обычно и засыпает.

К ненастью у деда начинает ныть нога. Где-то в икре застрял осколок. Этот осколок ему дважды собирались вырезать, и оба раза не удалось. Первый раз, когда он, раненый, уже лежал на операционном столе, хирург от нечеловеческого перенапряжения — последнюю неделю раненых подвозили сплошным потоком — упал в обморок. Пока его отхаживали, раненого сапера унесли обратно в палату. На другой день опять принесли в операционную, но тут началась бомбежка. Хирург стащил раненого под стол и растянулся с ним рядом. Когда все кончилось, Матвей категорически отказался от операции:

— Судьба не велит. Уже не беспокоит — и ладно. Жив останусь, после войны вырежу.

Война давно кончилась, но осколком деду Матвею все было заняться как-то недосуг. А теперь уж чего тревожить.

Со стороны озера стенка кажется игрушечной пристанью. В углу сбилась стайка лодок — они принадлежат городским рыболовам. Плоскодонка деда Матвея привязана веревкой к мостику. Один конец мостика прибит прямо к пристройке, а второй лежит на затопленных козлах. С этой стороны сухого места совсем мало, изгородь пришлось ставить прямо в воду. Старик поворачивается к горе и грозит:

— Эх, десятка бы два годочков долой, — ты бы, барыня, у меня ужалась...

Отодвинуть гору деду Матвею не под силу, с этим ему пришлось смириться. Но голый взлобок он люто возненавидел. Зимой он казался особенно противным. Кругом — не тронутый городской копотью снег, а тут черное, обдуваемое ветрами, пятно...

Как-то солнечным утром дед Матвей залез на крышу пристройки, долго всматривался в кручу. На другой день ушел в деревню, а к вечеру принес лом, кирку и два стальных свежеоткованных клина. Стал каждый день лазить на обледенелую кручу и долбить там лунки. Бабка Анна ворчала, но дед отмахивался. На горе — сплошной сланец, и какая разница, когда его долбить: в июле или в декабрьскую стужу?

К теплу десяток лунок было готово: глубиной по колено, площадью по квадратному метру. Будет где деревцам первоначально укрепиться. В лунки старик наносил земли из бора. Нужно было чем-то удобрить, но дед Матвей не знал, какое удобрение тут подойдет. В деревне тоже никто дель-

ного совета дать не смог. Тогда старик решил, что от навоза-то во всяком случае хуже не будет, и в каждую лунку положил по целому ведру. Покушался еще на печную золу, но был застигнут хозяйкой на месте преступления. Золу бабушка Анна берегла для огорода, и ее пришлось высыпать обратно в ящик. Хозяйка была как раз не в духе, и похитителю изрядно нагорело. Он перетерпел нагоняй и только позже попенял:

— У тебя, Анна, доброе слово дороже золота. Всю зиму копался, а тебя будто и не касается...

Хозяйка фыркнула:

— У меня очи не болят. Голо там или заросло, но я с ума пока не выжила, чтобы лазить по обледенелой горе.

Дед Матвей обиделся. Хозяйка попросила прощения. Он не сразу принял мировую. Пришлось бабушке Анне раскошелиться на «маленькую». Дед Матвей понемногу отмяк и спросил, зачем ей его прощение? Он не поп, а она не на исповеди.

Бабушка Анна погладила его по руке:

— Поп — тоже человек. Вот ты меня по-человечески и прости, Матвеюшка.

Давно забытая ласка обезоружила деда. Он только и нашелся сказать:

— Ох, и хитрущие вы, бабы. Так подъедете — воском растаешь.

Сосенки сажали вдвоем, когда на березах уже набухли почки. Чтобы деревца лучше прижились, дед Матвей оставил на корневищах по большому пласту земли. Помучились, пока перетаскали. Две сосенки не прижились, и поздней осенью заменили их другими. Издали взлобок продолжал казаться черным, но недолго ему оставалось быть таким. В лунках в первое же лето проклюнулись частые травинки. Деревцам было просторно, и они тоже пошли в рост.

Дед Матвей смотрит на гору и говорит удовлетворенно:

— Было наго, а стало благо — очам отрада. Так-то старая, впредь с мужиком не спорь!

Кроме козы с козлушкой, в хозяйстве есть еще десяток кур. Их было больше, но «самонаилучших коршун растерзал», как говорит бабушка.

Старик долго охотился за пернатым разбойником, но попасть в него никак не мог. Зрение подводило: при выцеливании в глазах начинало двоиться. Перепортив немало пороха, дед Матвей решил так: чем гадать, который коршун

всамделишный, а который «блзнит», надо стукнуть из обоих стволов разом. Дробь — не стариковский глаз. Она найдет виноватого. Подержанная, довоенного выпуска «тулка» могла не выдержать двойного выстрела, но охотник старался не думать о последствиях. Когда он еще токарил на заводе, сам перебрал весь механизм ружья. А стволы, вроде, еще ничего.

— Эх, якуня-ваня, была не была...

Куролуб не заставил себя долго ждать. Дед Матвей торопливо прижал приклад и выпалил из обоих стволов. Тугое эхо отскочило от берега. Растрепанным комом хищник сорвался вниз. Стрелок тоже на ногах не удержался. Подождал, пока звон в ушах немного утихнет, и пощупал вспухшую щеку. Погладил теплые стволы.

— Мать честная! Кажись, влет свалил. Вот ахнул, так ахнул!

Бабка Анна подняла коршуна, расправила посеченные крупной дробью перья и вздохнула:

— Красавец-то какой! Жить бы ему да жить, а занялся разбоем — и сложил голову непутевую. Да и те дуры не могли от него спрятаться. Раз уже ему на роду написано живым мясом питаться, то греха на нем, выходит, и нет...

Дед Матвей распластывает птицу на шесте, хочет выставить в огород для устрашения живых. Бабка Анна берется ему помогать, но скоро ей становится не по себе:

— Негоже мы с тобой, Матвей, надумали. Тварь гордая, а мы ее, словно овчинку, распялили. Закопать бы лучше.

— А то бери, — охотно отступается дед Матвей. Ему самому это дело претит.

Редкий день у стариков проходит без ухи. Из рыболовных снастей у деда Матвея только удочки. Рыболовы-горожане знают, как вести себя со стариком. Не жадничай — и дед Матвей сводит на самые рыбные тайники. А как-то приехали новички и, решив угодить хозяину, дали ему порыбачить свою капроновую сеть. Дед Матвей попробовал ее на прочность, — руки режет, а не поддается. Такой снастью ему еще владеть не приходилось. Из нее и пудовая щука не вырвется... Старик спросил:

— Справка у вас есть, чтобы рыбу сетью ловить?

Горожане удивились:

— Какая справка? Кто такие справки дает? Мы же любители.

Старик пожевал губами. Предложил горожанам забрать

свою сеть — и с озера прочь. Они сперва подумали, что старик шутит, но дед Матвей твердо повторил:

— Убирайтесь... любители.

Горожане ошетинились, подступили нахально:

— Собственно говоря, ты кто такой, чтобы справки требовать? Большой начальник?

«Начальника»-то парням как раз приплетать и не следовало. С дедом Матвеем договориться все-таки можно было. Не замочив сетей, парни уехали бы домой с рыбой. Но тут он поджал губы и стал непреклонен:

— Ну если вам только начальство указ, а на совесть вам плевать, то и разговора больше нет. Лодки тоже не получите. А начальника могу представить. Вот сбегая в деревню за участковым — ему и расскажете, какие вы храбрые вояки против старика. — Дед Матвей повернулся к незадачливым рыбакам спиной и пошел к дому. Но через несколько шагов остановился: — На кой вам ляд много рыбы? Леща и судака сейчас не взять. А сорожка, окунек, щуренок — только в ущицу да у костра побаловаться. Зачем грести-то?

Парни враждебно посматривали на старика. Тот махнул рукой:

— А-а, толкуй с вами...

Рыбаки потоптались-потоптались и берегом направились в дальний конец озера: без лодки сетью не порыбачишь.

Лодка у старика — еще крепкая посудина. Его бывший начальник цеха частенько проводил свой отпуск на озере. А в прошлую зиму подался куда-то в Казахстан и оставил лодку в подарок. Дед Матвей подарком дорожит. По поводу качеств своей лодки он как-то раз даже побился об заклад с одним знакомым. Бабка Анна так и не узнала, которая лодка на ходу легче: возвращались спорщики в обнимку, слегка путаясь ногами и распевая каждый свою песню. Временами песня обрывалась, и соперники клялись во взаимной дружбе до гробовой доски.

С отъездом начальника цеха у стариков прервалась последняя связь с заводом. Дед Матвей внешне этим обстоятельством, казалось, не был огорчен, только временами вдруг принимался почему-то оправдывать бывших сослуживцев:

— Мало ли у них проходит народу перед глазами? Разве всех упомнишь, для каждого время выкроишь? Я вон сколько друзей-приятелей растерял по белу свету, однако не

казнюсь. Одна тропка зарастет, сердце велит другую про-
топтать. Сам живи и другим свет не застилай.

Бабка Анна такой разговор не поддерживает. А если уж приходится, то выражает свою точку зрения столь неопределенно, что дед Матвей в сердцах ее обрывает:

— Тпру!.. Ну!.. Поехала, старая! Чистая дипломатиха. Что ни слово — то закорючка.

Бабка Анна не спорит:

— Чай, я в ЖКО работала. А там без дипломатии в первую же неделю удавишься...

Крутые волны морщат озеро, пригибают камыши. У берегов подолгу держится молочно-мутная полоса прибоя. После непогоды озеро пахнет прелой травой и рыбой. Но запахи не тяжелые, и окна в избушке остаются открытыми.

Временами дедом Матвеем овладевает неудержимый зов к перемене места. Тогда он точно хмелеет и несколько дней бродит сам не свой. В лице появляется что-то не по-стариковски напористое. В избушку заглядывает только поесть. Сердито распахивает все окна. Достает из сундука трубку. В другое время он не курит, а вот сейчас струйка дыма тянется за ним весь день. Наконец он перестает сопротивляться властному зову и сразу веселеет:

— Я немного проветрюсь. Скоро не жди.

Наученная опытом, бабка Анна уже держит наготове сумку с харчами. Она опасается таких «проветриваний», но никогда старика от них не отговаривает. Да его и не удалось бы остановить. При малейшем возражении дед Матвей бледнеет, губы у него начинают судорожно подергиваться, он выбегает в сени и долго сидит на скамье, обхватив голову руками. И что с ним происходит? Деревенские бабы давно поставили диагноз:

— Контузия, все контузия, милые мои, в ем бродит. Пузырится, копится, а потом выход ей давай. Ты уж, Анна, ему не перечь, а то как бы кондрашка его нехватила.

Бабка Анна подозревала, что тут дело не столько в контузии, сколько в характере деда Матвея, но на словах соглашалась с деревенскими доброхотками.

Присмиривший и уставший, старик возвращается через несколько дней. Хозяйка не знает, где он был все это время и что делал. Как-то она не удержалась и сказала:

— В молодости характерец у тебя, наверно, шереваристый был. Бабе с тобой, поди, частенько муторно приходилось?

Дед Матвей сощурился, долго молчал.

— Нет, с ней мы союзно жили. Не обижал ее. Только она у меня чересчур покорная была. Через свое покорство и смерти легко отдалась. А могла еще жить да жить. — Посучил бороду и жалобно, по-бабьи, сказал: — Мне вот так не умереть. Ладно жил или вперекозь, а конец один: пришла пора — ложись в гроб. По два века люди не живут. Эхма... Ты, Анна, не зуди. Зачем бредишь душу-то?

Бабка Анна обругала себя за дурную «зуду». А все ж интересно ей узнать, какой в молодости был дед Матвей. Если судить по увеличенному портрету, перепечатанному со свадебной фотокарточки, он был покладистый парень. Бабка Анна верит и не верит портрету. Кто его знает? Бумага все стерпит. Взять хотя бы ее саму. Она всегда была худенькая, в молодости еще и боязливая, а на фотокарточках всегда выходила прямо хоть куда. Да и недавно сфотографировал ее ночевавший у стариков фотокорреспондент областной газеты. Такая получилась бой-баба! А в натуре-то — в чем душа держится. Опять, однако, как судить. Слыхала же про себя, когда еще перед пенсией работала инспектором жилфонда, что ее побаивались. Видно, умела себя поставить. Да и сама она втайне немного гордится: «Не последняя девка была. Вот и на старости лет ухажер нашелся».

Тут бабка Анна озорно усмехается и спешит отвлечься делом.

Пора сказать, что старики не венчаны и не расписаны. Так получилось. На каком-то повороте их житейские тропинки встретились и не разбежались в разных направлениях, а в неторопливом содружестве пролегли рядом.

Дед бобыль. Она вдова. Единственный сын бабки Анны погиб на фронте. Остальных близких она растеряла еще раньше. Родня деда Матвея тоже не обширная. В большом городе у него есть замужняя дочь, зять при солидном чине. Как-то старик ездил к ним погостить. Больше туда, видимо, не собирается. На немой вопрос бабки Анны ответил, как отрапортовал:

— Зять как зять. С зятя нечего взять. Всамделе большая шишка или только пыжится. Ольга моя стала растрепана. Мне и не горе, бог с ними. Внуков жалко — баловнями их растут. На лето сюда просил привезти — отец с матерью будто глухие. Повторять не стал. А надо было сбить с них шешуру. Смалодушничал.

О внуках дед Матвей молчаливо скучает. Когда получа-

ет редкое письмо от дочери, первым делом в конверте ищет весточки от внуков: письмо, написанное прописными буквами, от старшего и листок, раскрашенный во все краски, — от младшего. Если от внуков ничего нет, дед Матвей бурно сердится на дочь, на ее письмо:

— Наваракосила сплетен, а к чему мне это? Я и так знаю: на ходу спишь или в подъезде языком чешешь. Скоро поперек себя шире будешь...

С половодьем избушка опять подалась. Кое-где просочилась вода. Половодье перетерпели, но под углы надо подводить дополнительные стойки. Они уже заготовлены, надо только доставить их из леса. Но подоспел сенокос, и со стойками пришлось повременить. Траву подвалили неделю назад, сгрести и перетаскать сено на поветь мешают частые дожди. На погоду у деда Матвея свои приметы. Он нерешительно топчется и говорит:

— Солнце в хмару село. Да и рана зудит. Опять ведра не будет. За стойками, пожалуй, завтра и сплавать...

Хозяйка, однако, гнет свою линию. Она кивает на потягивающегося на печи кота:

— Пустое твоя хмара. Видишь — Васька рыло кверху держит: красную погоду сулит. Ты как хочешь, а я на пожню пойду.

В другой день дед Матвей обязательно бы заспорил, а сейчас помалкивает. Бабке Анне словно нездоровится. Шаркает шлепанцами по полу. Завтра день памяти ее сына. Портрет его снят с обычного места и лежит посреди кровати на вышитой подушечке. За какое дело сегодня бабка Анна ни возьмется, она о нем ежеминутно забывает. Пододвинет к кровати табуретку и подолгу сидит, окаменев. Ужин не готовится. Дед Матвей, как провинившийся, говорит тихо и лишней раз хозяйке на глаза старается не попадать. Огня не зажигают. Пожует старик всухомятку и долго не может уснуть: крепкий еще организм требует пищи посущественнее, чем холодная картошка в мундире и кружка козьего молока. Печь пригревает. Дыхание старика мало-помалу выравнивается. Бор перестает шуметь. Выкатывается круглая луна, и влажная крыша серебрится, как от изморози. В темной горнице тихо воет бабка Анна.

Просыпается дед Матвей с курами, но сегодня хозяйка его опередила. Она, похоже, так и не ложилась. Над озером и низинами — воглая муть. Лишь верхушки самых высоких сосен начинают золотиться. Портрет сына опять висит на

своем месте. Печь уже вытоплена, пол подметен. За завтраком — тишина. Глаза у бабки Анны совершенно сухие. От вчерашней вялости не осталось и следа. Она лихорадочно возбуждена, почти ничего не ест, быстро двигается по избушке, и все, до чего дотрагивается, начинает позванивать и постукивать. Деду Матвею сидеть одному за столом неуютно, он чувствует себя лишним. Утирает бороду, сует в карман ломоть хлеба и спешит убраться.

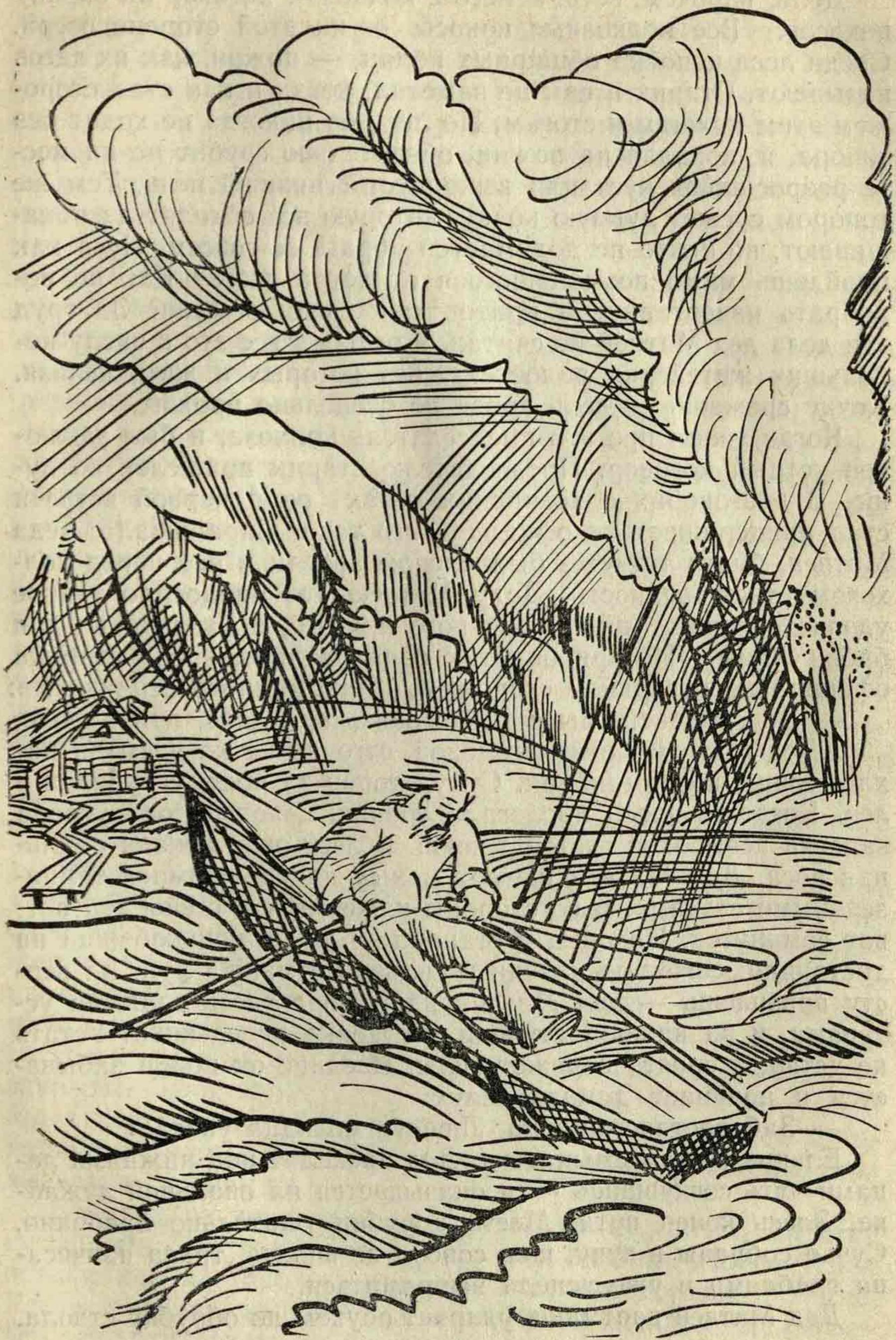
С улицы доносится стук брошенных в лодку весел. Бабка Анна накрывает остатки завтрака чистым рушником и тоже собирается. Выгоняет из закута коз, уводит их подальше от дома. Козу привязывает за веревку к раскидистой ветле, козленок трется возле матери. Траву вокруг ветлы козы успели уже порядочно вытоптать, но на сегодня пастись им еще хватит. Бабка Анна возвращается к избушке, вставляет в дверную ручку хворостину. Еще позапрошлым летом кто-то разбил окно и унес эмалированное ведро. С тех пор при недалеких отлучках дом на замок не запирается. Из лодки деду Матвею видать, как сгорбленная фигурка, подпираясь черенком грабеля, медленно взбирается на кручу. Старик почему-то хочется, чтобы она оглянулась. Он перестает грести и томительно ждет. Бабка Анна не оглядывается.

— У-у, поперечная... — ворчит старик.

Вздыхнув, снова гребет вдоль берега. Круча постепенно понижается и отступает от воды. Сосновый бор сменяется таким же дремучим ельником. Молодая поросль или вырублена или никогда тут не росла; как-то странно выглядит опушка: ни одного куста, а сразу замшелые великаны. Наверно, без топора тут когда-то не обошлось.

Старик подгребают к узкому заливику. Вытаскивает лодку на берег, весла кладет поперек лодки.

Утро в разгаре. Камыши успели обветриться и сухо шелестят. На той стороне озера завели трактор. Оттуда же доносится неясный отзвук песни. Не иначе, — это студенты, приехавшие на уборочную. Позавчера двое из них переплыли озеро и, изрядно окоченев, отогревались в избушке. Обещались на днях заявиться всей ватагой. В ожидании гостей старики лучшую рыбу стали откладывать. Бабка Анна любит угощать званных и незванных. А для деда Матвея каждый гость — источник новостей. Если к ним долго никто не заглядывает, старики сами садятся в лодку и едут в деревню. Бабка Анна — как бы за покупками, а у деда Матвея вдруг появляются неотложные дела к председателю колхоза.

Дела, впрочем, есть. У него с колхозом договор на охрану покосов. Все колхозные покосы — на этой стороне озера. Среди леса цепочка обширных полян, — пожни, как их здесь называют. Старик и сам не заметил, когда и как стал сторожем этим пожням и стогам. По лесу он никогда не ходит без топора, и, попадая на пожни, обязательно срубит не на месте разросшийся куст или выкорчует сгнивший пенек. Тем же топором срежет дурную кочку, которую все обходят да обкашивают, но никто не додумается убрать ее совсем. Ну а как пройдешь мимо похилившегося от ветра стога? Как не подобрать надерганное и притоптанное скотом сено? За труд эти дела дед Матвей не считал, а относил все это к числу небольших житейских радостей, без которых и жить нельзя. Кочку срежешь — день вроде не бесцельно прожит.

Когда узнал про это председатель колхоза, и был заключен устный договор. Председателю старик пришелся по душе. В разговорах о хозяйских делах он с первой встречи стал придерживаться официального тона. Спрашивал с деда Матвея, будто тот уже был членом артели и нес перед колхозом ответственность. Деду Матвею это приносило тайное удовлетворение. Тайное для кого другого, но только не для бабки Анны. Не зря она так обрадовалась, когда старика официально утвердили сторожем. Даже немного всплакнула: — Вот, Матвей, мы с тобой опять при деле, при народе.

...Дед Матвей мотнул головой, отгоняя не ко времени нахлынувшие воспоминания. Сунул топор за пояс, углубился в лес. Когда-то здесь пролежала тропинка, теперь она успела зарости невысокой густой травой. В лесу еще лежала обильная роса. Дед Матвей шагает между насупившимися темно-зелеными стенами, и со стороны кажется, что стены эти вот-вот сомкнутся. Походка у старика — как у конькобежца на дистанции: согнутые колени и сильная отмашка рук. За версту признаешь — дед Матвей идет. Гора здесь сложена уступами, и на каждой ступени у старика передышка. Устать не устал, а просто бережет силы. Наедине он порой забывается и начинает думать вслух:

— Забористая горюшка. Любого молодца укатает.

Ельник совсем смыкается. Дед проходит под нижними лапами чуть согнувшись — и оказывается на овальной лужайке. Здесь конец пути. Место порубки тщательно прибрано. Сучья собраны в кучу, щеп совсем не видать, трава причесана граблями и уже успела выпрямиться.

Дед Матвей наотмашь ударяет обухом по обрубку ствола.

Звук ядреный и плотный. Порубщик доволен: «На особицу кряж. Кондовье. Под хилый угол — в самую пору».

Поплевав на ладони, старик очищает кряж. Свежая кора отстает широкими лентами, обнажая скользкую, словно полированную, заболонь. Закругляет комель, чтобы он не втыкался при волочении. Захлестывает кряж веревочной петлей, примеривается плечами. Кряж тяжеловат, но укорачивать его нет резона.

Дед Матвей решительно перекидывает лямку через плечо. Свободный конец лямки наматывает на запястье и, подавшись грудью вперед, сдергивает кряж с лежки. Очищенное дерево довольно споро скользит по росистой траве. По ровному уклону дед Матвей старается набрать разгон, чтобы с ходу миновать ухабины. Иногда это ему удается, но чаще комель зарывается, и его приходится выдергивать утомительными рывками. Позади на дернине остаются черные шрамы.

Деду Матвею почему-то кажется, что если вырваться из леса, дальше тащить будет легче. Он перегнулся почти до земли. Помогая движению, хватается за траву и тянет, тянет... Пот заливает глаза, но хода старик не сбавляет. Не останавливаясь, вытирает лицо кепкой, а потом подкладывает кепку под лямку, чтобы не так резало. На висках надулись узловатые шнурки вен. Сердце летает, как челнок: туда-сюда, туда-сюда... С каждым шагом кряж тяжелеет. Дед Матвей и сам уже перестает понимать, какой бес в него вселился, чего ради он надрывает пуп и не хочет дать себе передышки.

Но силы не бесконечны. Старик как-то сразу садится, упирается непокрытой головой во влажную траву. С лысины горохом скатывается пот и мешается с росой. В таком положении дед Матвей замирает минут на пять. Затем с кряхтением освобождается от лямки, распрямляет ноги, подсовывает под щеку ладонь и вытягивается на траве. Большой, костистый. Будто слать собрался. Дышит со свистом, глаза закрыты. Любопытная синица прыгает с ветки на ветку: что это такое? Вспорхнув, улетает и скоро возвращается с товарками. Тяжелый вздох испугивает синиц, — старик, оказывается, задремал.

Очнулся он от озноба. Болезненно морщится, хрустит суставами. Подтягивает ноги, хочет подняться. Но не успел встать, как насторожился и снова плотно припал к земле. Глаза широкие, залитые радостным изумлением. Дед Матвей убирает ладонь из-под щеки, прижимается ухом к зем-

ле. Где-то неглубоко под землей журчит родник. Лицо старика светлеет, от удовольствия он даже тихонько смеется. Он давно замечал, что туман в этой лощинке самый устойчивый, и все ломал голову, с чего бы это. И вот наткнулся на отгадку: прохладное дыхание родника задерживало здесь туман.

Дед Матвей на четвереньках ползет вдоль лощинки. С десяток сажен родник еще прослушивается, а потом ныряет в глубь горы. Старик замечает место. Надо будет здесь вскрыть оконце и вкопать в него липовую колоду. Приятно будет с хозяйкой посидеть в холодке. Да и другие люди мимо не пройдут. Кому попить, кому умыться, а то просто подышать родниковой свежестью. А про рыбаков и говорить нечего: чай из такой воды — пей без сахара!

Дед Матвей встает, отряхивает рубаху от приставшего мусора. Больше ухабины не пытается брать с ходу. Подолгу отдыхает на кряже, и с лица у него все не сходит счастливое выражение.

Солнце успело высушить последнюю росу под деревьями, когда дед Матвей окончил вязать плотик. В озере отражалось чистое небо. Над камышами парил коршун. Со свистом рассекая воздух, над отмелями носились неугомонные бекасы. День как будто бы налаживался, но старику что-то не нравилось. Он понюхал воздух, попытался определить направление ветра. Ветра не было. Старика это не успокоило. Он снова заспешил. Снял с ног самодельные коты, которые в лесу предпочитал любой обуви, подкатил штаны. Ноги у деда Матвея без всяких там вздувшихся старческих вен — сорокалетнему мужику под стать. Только немного суховатые, старость все-таки о себе напоминает. Забрел в воду. Плоскодонка валко закачалась. Веслом вытолкнул плотик на глубину. Привязал буксирную веревку за корму. Освежился пригоршней воды.

Лодка шла рывками. Весла ходко посылали ее вперед. Провисшая веревка натягивалась и отбрасывала лодку назад к плотнику. Тот двигался кособоко, норовя крайним бревном ковырнуть берег. Равномерно падали весла, и каждый раз гребец успевал в последний момент отдернуть плотик от берега. Отдыхать себе больше не позволял. Вылинявшая рубаха прилипла к телу. При каждом замахе весел резко выступают широкие лопатки. Поскрипывают уключины. Короткие всплески тревожат устоявшуюся гладь воды.

Дед Матвей успел доплыть до усадьбы, выкатить кряжи

на берег. Успел составить их шатром подальше от воды — так они скорей просохнут. Внезапно пахнуло свежестью. С той стороны озера вырвался пыльный вихрь. Он несся скрученными клубами, будто где-то там отпыхивал дымом гигантский паровоз. Стержневая струя не растекалась в стороны, а вспарывала склон плотной лавиной. Вихрь нес вырванные стебли хлебов, вороха прелой соломы, листья с деревенских тополей, какие-то клочья и палки, массу больно секущих песчинок. Он взбурлил озеро и, перемахнув его, с разбегу ударился в кручу. Бор качнулся, загудел, осыпался сухими ветками. Подминая соседей, рухнул перестоявшийся, весь в седых лишаях великан.

А солнце продолжало светить. Лишь некоторое время спустя все пространство между небом и землей забила пыльная мгла, а вслед за ней накатилась тяжелая низкая туча. Она с запозданием закрыла солнце. Ясный день сразу превратился в безрадостный сумрачный вечер. Заметно похолодало. Рванул пронизывающий косой дождь.

Волны бились о берег, выплескивались на грядку. Слизнув поленницу березовых дров, ударили сбоку и закатились во двор. Затрещала изгородь. Дед Матвей бросился в воду, забрел в нее по пояс, ухватился за раскачивающуюся изгородь и навалился всем телом. Ударил очередной вал и отхлынул, унося с собой жерди и вывороченные колья. Из всей изгороди осталась только пара кольев, которая была у старика в руках. При виде такого разорения дед Матвей расшвирился. Он напрягся так, что рубашка треснула, вырвал из вязкого дна и эти, последние колья, раскрутил их над головой и швырнул навстречу буре. Потрясая кулаками, рявкнул:

— А фигу с маслом не хочешь?! Го-го-гооо! Гей-гей, не жалей!

В этот момент дед Матвей сильно смахивал на лешего. Борода его намокла и обвисла косым клином. Распахнутая рубаха открыла заросшую седыми волосами плоскую, но могучую грудь. Руки воздеты к небу, а сам он весь в потоках воды.

Вихрь с затухающим треском ломился сквозь бор. Ветер утихал. Дождь делался круче и реже. Наконец туча стала отодвигаться. Светлая полоса стремительно ширилась, выхватывая весь небосклон. Последние крупные капли выбили на озере пузырьчатые фонтанчики. Дождь утих.

Дед Матвей прислушался. Избушка подозрительно по-

скрипывала. Он обошел ее кругом, осмотрел все углы. Никаких изъянов не нашел. Вошел внутрь, постоял возле печки. Ему почудилось тихое бульканье. Старик тревожно нагнулся над подпольем, поднял люк — и сгоряча все помянул бога. Подполье было залито водой. Плавала крышка от кадушки с остатками прошлогодней квашеной капусты. Около нее кучкой сбились лепешки сухих грибов. Ручка корзины с ветошью упиралась в половицы.

Дед Матвей почесал в затылке. Взял ведра, но, что-то вспомнив, поставил их обратно на подпечек. Оставляя за собой мокрую полосу, прошел в передний угол. Укоризненно посмотрел на божницу. Потряс перед загадочно-задумчивым ликом Христа заскорузлым, в глубоких черных трещинах, пальцем:

— У тебя борода и у меня борода — соображать надо. У людей страда, а ты вон какую кутерьму поднял. Атамань — да вовремя. Грешить не велишь, а разве такое стерпишь? За непотребное слово не взыщи — с досады выскочило... — И что-то зашелтал про себя, возвращаясь к ведрам.

В вере деда Матвея много языческого. Бог для него — вроде районного прокурора: коль взялся следить за порядком, то прежде всего блюди его сам. Все грехи дед Матвей разделяет на большие и малые. От малых грехов, по его убеждению, уберечься невозможно, и бог должен прощать их без всякой волокиты. В молодости дед Матвей жил в деревне, и хотя особой крепости в вере не испытывал, молиться однако не забывал. Когда переселился в город и стал работать на заводе, и сам не заметил, как стал безбожником. А тут война. Твердая вера к Матвею так и не вернулась, но смерть-то вот она — рядом ходит. Если бога по-хорошему помянуть, хуже от этого не будет. Война кончилась, и деда Матвея опять потянуло в полное безбожие, но на этот раз он сам тому воспротивился: непорядочно дважды отречься, а другим знать об этом незачем...

Старик не считал, сколько ведер воды выносил из подполья. Спина совсем онемела. Вода убывала медленно. Достал с полатей еще не ношенные, густо пахнувшие резиной болотные сапоги, надел их вместо раскисших котов, натянул голенища до самого верху и полез в подполье. Миской вычерпал из кадушки воду. Капуста совсем испорчена, в нее набился песок... Дед Матвей засучил рукава и стал выбирать из сусека картошку, кидая ее прямо на пол. Кое-что выбрал, на остальное махнул рукой, вылез из подполья.

Он продрог так, что зуб на зуб не попадал. Переоделся в сухое, выполоскал снятую одежду, развесил ее сушить. Посмотрел на ходики — хозяйке пора бы вернуться. Отвлекшись от дел, дед Матвей сразу забеспокоился: как она бурю перетерпела? В лесу всякое может случиться. Да и оделась легко... Решил еще немного подождать. Вышел на берег. Оглядел разломанную изгородь и снова почесал в затылке. Сходил за козами, запер их в закуток. Принялся было собирать раскиданную поленницу и не окончил. Туго перепоясавшись, подхватил топор, взял хозяйкин ватник и решительно направился к круче.

Подниматься ему не понадобилось: бабка Анна спускалась навстречу. Все на ней было сухое, но выглядела она измученной. Оказавшись рядом, облегченно вздохнула, вытерла лоб. Передала деду корзину с наломанными рыжиками. Развязала платок, и не по-старушечьи густые волосы упали на спину. Бабка Анна сделала легкое движение правой рукой, и волосы сами собой собрались в тугий узел. Она встрясла платок и снова повязалась. Внимательно осмотрела усадьбу. По молчанию хозяина поняла, что здесь ничего страшного не произошло. Сломанную изгородь она, конечно, заметила сразу, но решила из-за этого не расстраиваться. И стала рассказывать:

— Нагребла я три копешки, а толк какой? Насквозь их прохлестало. Вот уж воистину: в долгах — не деньги, в копнах — не сено. Пришлось снова раструсить. До последней кулиги так и не добралась. Как налетел вихорь-то — так у меня душа в пятки. Кинулась под елку, а она, голубушка, от ветра так и стонет, так и тоскует. Ну чисто живая душа! Ветер шатнет-шатнет, а у нее, бедной, даже корни наружу обозначаются. Напрягутся, как жилы, а за землю держатся. Рухнет, думаю, — тогда старик и костей моих не соберет. Обошлось вот... Стог, что на долгой-то пожне стоит, весь потрепало. Верхушку снесло и весь похилился. Подперла покуда его кольями на живую нитку, а больше силы не хватило. Переметывать придется. Ты узнай, кто из мужиков этот стог метал, да отругай хорошенько. По конец рук сработали, вот его и разметало. Другие-то стога выстояли, я все обошла, посмотрела. Так только немножко кое-где их покарябало. Председателю надо передать, чтоб не беспокоился. Коз привел? Вот и ладно, мне ноги не мять. Подою да надо ужин какой сварганить. К председателю когда пойдешь?

Дед Матвей в нерешительности.

— Может, сами управимся? В страду-то каждый человек на счету...

— Говорю тебе, Матвей, не осилить нам. Там двум здоровым мужикам на весь день работы. Да и нам около их дело найдется.

— Тогда сейчас и слетаю? — сразу соглашается дед Матвей и почти бегом направляется к лодке. Он рад, что хозяйка одолела тоску и ее можно опять не бояться.

...Ужин затянулся, — на столе графинчик. Огня не зажигают. Стариков разморило, но спать не хочется. Оба соскучились по разговорам. Бабка Анна опять рассказывает про сына. Дед Матвей подпер щеку ладонью и думает о чем-то своем, изредка не в лад поддакивает. Бабка Анна не обижается. Ей не так важно, слушают ее или нет. Ей требуется выговориться, а дед Матвей — удобный собеседник: не перебивает и не переспрашивает. Потом вполголоса рассуждают о сене, об огороде. Прикидывают, как лучше устроить новый погреб.

Тень от бора ложится на избушку. Становится совсем темно. Бабка Анна вместе со стулом отодвигается от стола и сидя начинает разбирать постель. Устало говорит:

— Выпей, Матвей, из моего стакана. Душа больше не приемлет.

Дед Матвей пьет, хрустит свежим огурцом, на ощупь тычет вилкой в тарелку. Вытирает бороду.

Взошла луна. Крыша избушки опять посеребрилась. Бабка Анна давно спит. Дед Матвей забирает со своей постели подушку и лезет на печь. Надевает валенки. От голых кирпичей веет жаром, а он еще сверху накрывается полубубком. Сладко стонет и тут же засыпает.

На насесте завозились куры, сипло запел петух. Озеро взрябил предрассветный ветерок, всплеснулась крупная рыба. Близится рассвет...